

МАША
ТРАУБ

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Ласточ...ка

Маша Трауб

Ласточ...ка

«ЭКСМО»

2012

Трауб М.

Ласточ...ка / М. Трауб — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-57880-1

«Ласточ...ка» – семейный роман. История любви, ненависти и – надежды. Отчаянной надежды на то, что еще не поздно все изменить, что близкие люди рано или поздно поймут друг друга.

ISBN 978-5-699-57880-1

© Трауб М., 2012
© Эксмо, 2012

Маша Трауб Ласточ...ка

Ольга и Наташа ничем не отличались от других девочек-сестер. Разве что тем, что были совершенно не похожи. Их мать не только верила в теорию, что второй ребенок в семье получается более красивым, умным, талантливым, но и пропагандировала ее. Мать не скрывала, бравировала такой женской позицией.

Ольга и Наташа были погодки. Все детство старшая Ольга лупила младшую сестру. Старалась попасть по голове. Когда была совсем маленькой – била куклами, ведерками, лопатками. За это мать ставила ее в угол. Ольга потихоньку, пока не видела мать, сгребала в угол игрушки и оттуда метала в сестру. Стараясь попасть в голову.

Ольга ненавидела Наташу. До рвоты. До скручивания и сосущей боли в животе. Позже врачи поставили диагноз – дискинезия. Но Ольга знала, что это не дискинезия. Это ненависть, выплескивающаяся наружу желчной рвотой, зеленым жидким стулом.

Приступы у Ольги случались по вечерам. Никто не знал, почему ей становилось плохо именно вечером. Ольга знала. По вечерам мать говорила Ольге «спокойной ночи» и садилась на кровать к Наташе. Наташе мать пела на ночь песенку. Это был их вечерний ритуал. Мать пела: «Моя рыбонь...» – делала паузу, и Наташа подпевала окончание: «ка». «Моя детонь...» – продолжала мать. «Ка», – уже сонным голосом заканчивала Наташа. «Моя лапонь...» – «Ка».

Кровать Ольги стояла напротив Наташиной. Ольга тоже пела эту песенку. Себе самой. Про себя. И старалась придумать больше ласковых слов, оканчивающихся на «ка», чем мать Наташе.

Утром, когда девочек отводили в детский сад, Ольга начинала мстить матери. Это было лучшее время для мести – мать опаздывала на работу. Ольга медленно, очень медленно натягивала колготки, так же медленно надевала платье – задом наперед. Или наизнанку. Специально. Мать злилась, сдергивала с нее платье, вытряхивала из колготок. Переодевала. Цедила сквозь зубы: «тупица», «бестолочь», Ольга не обижалась. Пусть так – с болью от царапавшей шею застежки платья, синяками от материнских пальцев на ноге, но эти минуты с матерью были ее – Ольгины, оторванные от Наташи.

Кстати, Ольгой – не Олей, не Оленькой, не Лелей, не Ольгуней или Олюней – она была с детства: мать, как старшую, называла ее полным именем. Наташа в детстве была Тусей, Натусей, Натой, а иногда по вечерам, под колыбельную, даже Ванькой или Пусей.

Ольгу периодически сдавали в детский сад на пятидневку – в качестве наказания. На пятидневку Ольга ходить не хотела. Не потому что скучала по матери или по сестре. Потому что боялась – вдруг ее не заберут в пятницу? У них в группе был такой мальчик – Женя Малков, его по пятницам не забирали. Так думала Ольга. Потому что, когда за ней, последней, приходила мать, Женя еще сидел в раздевалке около своего шкафчика. А когда она, первая, приходила в понедельник – Женя уже сидел в раздевалке. В тех же шортах поверх колготок и рубашке, что и в пятницу. С Женей в группе не дружили. Потому что его не забирали, как всех. И потому что в их группе была еще девочка Женя. И мальчишки считали, что у Жени-мальчика девчачье имя. Ольга тоже всю неделю с ним не дружила, а дружила только утром в понедельник и вечером в пятницу – все равно больше было не с кем. С Женей была связана и тайна, которую никак не удавалось раскрыть Ольге. На физкультуре она, по росту, стояла за Женей. И воспитательница, марширующая в середине круга, всегда ей говорила: «Ольга, смотри в затылок Жене». Ольга честно смотрела на Женину голову с ночным, нерасчесанным колтуном в волосах, но никак, не могла понять, где же у него затылок. И у всех ли есть затылок или только у Жени?

Ольгу везла в сад мать. Они долго ехали на метро, потом на троллейбусе. Ольга плакала от недосыпа. Особенно страшно было поздней осенью и зимой. На улице холодно, темно и

страшно. Мать больно тянула ее за руку и требовала, чтобы Ольга поднимала ноги. Ольга прошагивала несколько метров, вскидывая колени, как в саду на физкультуре, а потом уставала и начинала шаркать. Мать дергала ее за руку и цедила: «Поднимай ноги, кому сказала». Ольга сначала хотела объяснить, что не может не шаркать, потому что сапоги тяжелые. А потом специально шаркала. Мстила. Сапоги мать «достала» для Наташи. Но оказалось, что сапоги не те и Наташе большие. Ольге они тоже были велики, но мать сказала, что эти будет носить Ольга, а Наташе «достанут» другие, «нормальные».

Когда они выходили на нужной остановке, начиналось самое страшное – дорога от остановки до здания детского сада. Через пустырь. На пустыре от земли шел пар. Ольга начинала упрямиться – страшно заходить в дым и идти на звук материнского окрика. И тогда мать придумала историю про Старуху-болотницу, которая живет на пустыре, хватая детей за ноги и утаскивает в туман, если идти медленно. Ольга неслась по дорожке так, что в ушах свистело. В один из дней Ольге показалось, что Старуха-болотница ее все-таки схватила. Ольга зацепилась за что-то ногой и упала. Она лежала на мокрой траве, кричала и отползала назад, на безопасную дорожку. Подошла мать, сняла с ее сапога комок травы и вклеила подзатыльник.

Ольга возвращалась на выходные домой и принималась за старое. Наташа, когда видела сестру, складывала на темечке ладошки и приседала. Мать долго не могла понять почему. Пока случайно не увидела, как Ольга одной рукой отрывает руки Наташи от головы, а другой методично долбит сестру старым деревянным кубиком или молоточком от ксилофона по освобожденному пространству.

Однажды зимой мать потеряла Наташу по дороге в магазин. Она посадила дочерей на санки паровозиком – сзади Ольгу, спереди Наташу. Обе девочки были одеты в шубы из искусственного меха, которые мать называла «Чебурашками». Тяжеленные, застывающие колом на морозе. С мальчуковым ремнем на талии. На середине дороги Ольга спихнула сестру с санок. Мать, волочившая санки, не заметила. Заметила уже около магазина.

– Где Наташа? – закричала мать на Ольгу.

– Не знаю. – Ольга насупилась.

Мать оставила санки с Ольгой около магазина и побежала искать младшую дочь. Наташа нашлась в сугробе неподалеку. Она лежала и смотрела в небо. Не плакала. Встать в шубе она сама не могла – в этой «Чебурашке» ребенок мог только стоять, и то если его поставить. Ходить тоже было сложно. Приходилось ходить пингином, широко расставив руки. Мать сгрэбла в охапку дочь и, задыхаясь от тяжести и волнения, побежала назад.

– Ты бессовестная эгоистка, – сказала мать Ольге. Это было самым страшным ругательством. Потому что Ольга не знала, что такое «бессовестная» и кто такая «эгоистка». Все вместе звучало хуже «какашки» и «дуры», которыми Ольга обзывала сестру.

После пятидневки благодаря ночной нянечке Ольга расширяла свой словарный запас ругательств. Сестру она называла засранкой, мандавошкой и пиздой.

Как старшая дочь, Ольга должна была помогать маме – убирать со стола тарелки и мыть посуду. Как-то она уронила тарелку и сказала то, что говорила их нянечка: «Вот, блядь, ебана в рот». Она и не думала, что сказала что-то нехорошее.

Мать подлетела к ней и с размаху ударила по губам. У Ольги во рту стало мокро и кисло – от крови из прикушенного языка.

– Откуда ты эти слова принесла? Кто так говорит? Еще раз скажешь – вообще убью! – закричала мать.

Ольга поверила. Ей потом еще долго было больно есть и пить. Если на язык попадало горячее, начинало щипать. Но нянечку Ольга не выдала. Потому что та подкармливала ее вкусеньким. У нее в кладовке всегда лежал пакет с сушеными яблоками – жесткими и кислыми. Но Ольге было важно, что именно ее из всей группы нянечка заводила в кладовку и выдавала три сухеных ломтика. Она запихивала в рот сухофрукт прямо в кладовке – чтобы никто не

отобрал. И выходила с ощущением собственной исключительности. Правда, Ольга не понимала, почему нянечка, глядя, как она, не жуя, заглатывает яблоки, плачет.

Еще Наташе нужно было во всем уступать и отдавать все самое вкусное – доспевший на подоконнике банан, мандарин. Ольга отдавала. Но за обедом, когда мать отворачивалась к плите, Ольга меняла тарелки. Она считала, что у Наташи суп и котлета вкуснее. Ольга, опять же после пятнадцатки, сметала все, что было положено на тарелку. Выработанный в детском учреждении условный рефлекс. Нянечка ходила между столами и смотрела, как едят дети. Когда нянечка подходила к Ольге, всегда говорила: «Лопай, лопай, ровный морду с жопой». Но хуже всего было аутичному по внутреннему устройству Жене – Ольгиному соседу по столу и раздевалке. Женя тщательно вылавливал из супа лук. Потом принимался за ловлю морковки. Все выловленное раскладывал по ободку тарелки. Иногда морковка и склизкие разваренные колечки лука срывались и падали назад в суп. Женя опять начинал возить по тарелке ложкой. В этот момент подходила нянечка и хлопала его по затылку – ешь. Хлопала так сильно, что он нырял в тарелку лицом. Нянечка выгоняла его из-за стола – умываться. У нее были и другие способы кормежки. Она подсаживалась к Жене, загребала полную ложку каши, сдавливала ему щеки и впихивала в насильно открытый рот ложку. Ольга знала, что Женя любит кашу. Только без масла. Если бы он успел отогнать таявшую масляную плюху из ямки в середине к краю, все было бы в порядке. Нянечка же, наоборот, набирала ложку, чтобы непременно с маслом. Женя держал кашу во рту, не глотая. «Глотай», – требовала нянечка. Женя сидел, надув щеки. Однажды его вырвало прямо в тарелку с кашей. «Пока не съешь, из-за стола не выйдешь». Женя просидел за столом всю прогулку. Спасла его посудомойка, недосчитавшаяся тарелки.

Ольга в эти минуты внутренне страдала – не знала, на чьей стороне ей быть. Нянечка ей нравилась из-за сухофруктов, но и Женю было жалко. Она не знала, что нянечка уделяла такое внимание Жене не просто так, а за деньги. Родители мальчика, которые все же существовали, но очень много работали, приплачивали ей за то, чтобы их худой до прозрачности ребенок был накормлен.

Наташа ковырялась в еде вилкой. Ее нужно было уговаривать съесть еще один кусочек. Но даже это было не в пользу Ольги.

– Наташа у нас малоежка. Аристократка, кость тонкая, – сообщала мать воспитательницам в детском саду. – А Ольга жрет, что ни дашь.

Ольга мстила, опрокидывая тарелки. Когда еда была слишком горячей, мать ставила тарелку на подоконник, под приоткрытую форточку. Подоконник был узким, тарелка едва держалась. Ольга, естественно нечаянно, смахивала ее. Если тарелка падала на эту сторону – на пол, обрызгивая супом стены, было хорошо. Несмотря на то что мать заставляла Ольгу вытирать разлитое и подметать осколки. Но удачей Ольга считала те случаи, когда тарелка или чашка улетали на другую сторону – за окно. А если еще за окно улетала Наташина чашка – у нее всегда были «свои» чашки – с медвежатами, лягушкой, – Ольга едва не подпрыгивала от радости на стуле. Ольгу отправляли вниз – искать чашку, но она, для виду походив под окнами, возвращалась с пустыми руками. Не нашла. На самом деле она находила посуду в первые минуты. Самое сложное было ее спрятать – Ольга определяла самое неприметное дерево и зарывала под ним чашку сестры. Выкладывала сверху на получившуюся горку листочек или камушек, чтобы только она могла определить тайное место.

Наташа и Ольга были сводными сестрами. Они про это узнали, когда обе были подростками – четырнадцать и тринадцать лет соответственно. И сестринской любви это знание не прибавило. Они тогда стали более пристально рассматривать фотографии и задаваться вопросом: почему друг на друга не похожи? То есть вообще ничего общего. Гротескная непохожесть. Ольга – крупная блондинка. Наташа – миниатюрная брюнетка.

Кто был ее отцом, Ольга не знала – мать никогда не говорила. То есть у нее отец был, но на него была похожа Наташа. А Ольга якобы на маму. Ей не хотелось быть похожей на мать, а хотелось быть как Наташа.

Ольга отрезала коротко, как у сестры, волосы. В результате Наташа ходила с модной стрижкой, Ольга – с вороньим гнездом. Потом Ольга стащила у матери пакетик хны и дома, обляпав всю ванную, перекрасилась, намазывая голову старой зубной щеткой, чтобы краска ровнее ложилась. Когда смыла, отшатнулась от зеркала – голова стала медно-красной. Еще раз помыла голову – цвет держался.

Она перестала есть – худела. Через неделю попала в больницу. Потом долго лечилась в подмосковном пансионате с диетическим питанием, куда ее отправила мать.

Пансионат мало чем отличался от пятидневки. Кормили приблизительно так же. Только на пятидневке воспитательница называла ее «жопень» от слова «жопа», а в пансионате называли по фамилии и номеру палаты и стола – для каждого стола своя диета. «Кириллова, пятая, номер два». Ольга не знала, что лучше – быть «жопенью» или «номером два».

Когда Ольга подросла, она из обрывков семейных рассказов и недосказов составила приблизительно генеалогическое древо семьи.

Ольга была «залетной». Ее биологический отец факт отцовства не признал и сгинул в неизвестном направлении. Личная трагедия, каковой Ольгина мать считала свою беременность, и роды – неминуемая расплата – не помешали ей познакомиться и сблизиться с приличным человеком. Ольгина мать решила, что это награда за все ее страдания, и опять забеременела – теперь уже сознательно. Родила Наташу. Ее муж оказался просто порядочным человеком – мало того что женился, так еще и Ольгу удочерил. Воспитывал как родную. Чувствуя, что жена не любит старшую дочь, старался за двоих.

Папу Ольга боготворила. Но и злилась на него. Почему он разрешил отправить ее на пятидневку? Почему он всегда на работе? Она устанавливала внутреннюю ретроспективу событий – что папа для нее сделал, что сказал?

То, что папа ее любит больше, чем Наташу, Ольга поняла, когда они летом поехали отдыхать в пансионат. Ольгу мать забыла в коридоре главного корпуса – они шли с обеда в столовой. Ольга стояла у окна и видела, как папа бежит вокруг корпуса. Он что-то кричал, но Ольга не слышала, что именно. Он нашел ее и не отшлепал, как мама, а просто сказал: «Я тебя потерял». Сказал так, что Ольга расплакалась от сознания того, что папа боится ее потерять. Значит, она ему нужна. Значит, он ее любит. А когда Наташа убежала с пляжа – играла в прятки – и папа ее тоже бегал искать, он ее отлупил.

Папа всегда защищал Ольгу. Что бы она ни сделала.

Почему, с чьей подачи в их доме появился хомяк Жорик, точно никто не помнил. Хомяка якобы попросила Наташа, и мать кинулась исполнять просьбу дочери. Но Ольга помнила, что хомяка принес папа, и слышала, как на кухне он говорил маме, что Ольге нужно научиться о ком-то заботиться. Жорик поселился в трехлитровой банке. Ольга к нему даже не подходила. Наташа кормила его, мыла банку, укладывала дно ватой. После школы бросалась проверять, как там Жорик. Однажды Наташа решила выпустить хомяка погулять. Ольга дождалась, когда хомяк добежал, тыкаясь в ножки кроватей и стульев, до дощечки на полу, разделявшей их детскую комнату и коридор, и хлопнула дверью. Наташа, уверенная, что за Жориком присматривает сестра, отвернулась к игрушкам. На хлопок она отреагировала. Оглянулась и увидела Жорика, прижатого тяжелой деревянной дверью к косяку. Тельце хомяка с перебитым позвоночником стало длинным и гибким. Наташа разревелась и кинулась к домашнему любимцу. В последний момент отдернула руку – побоялась дотронуться до мертвой тушки. Ольга подошла, взяла хомяка за лапу и отнесла в мусорное ведро. Наташа рыдала. Вечером мать устроила разборку. Ольга сказала, что дверь сама захлопнулась. Но она чувствовала, что отец ей не пове-

рил. Перед отцом было стыдно. Но и радостно оттого, что Наташа стала совсем некрасивой – красной, с опухшими глазами и носом. Радостно оттого, что сестра страдает.

Привезенную вместо Жорика черепаху без имени, которую Наташа торжественно вынесла во двор похвастаться перед друзьями, Ольга выбросила в кусты. И, сидя на качелях, спокойно смотрела, как плачущая Наташа роется в песочнице, разыскивая черепаху.

Наверное, после этого, по воспоминаниям Ольги, мать посадила ее на таблетки. Заставляла пить по одной три раза в день. Мать говорила, что это витамины. Особенности, которые можно пить только Ольге, а Наташе нельзя. Ольга поначалу обрадовалась – у нее есть хоть что-то, чего нет у сестры. Но дня через два стала выбрасывать таблетки в форточку. После таблеток ей хотелось спать. Притуплялось чувство ненависти к сестре. Ольге становилось все равно. В метании таблеток в щель форточки она достигла успехов. Если первые таблетки ударялись в стекло – мать орала, доставала новую из упаковки и следила, чтобы Ольга проглотила, даже рот заставляла открыть для проверки, то потом Ольга исполняла трюк с глотанием убедительно – якобы клала таблетку в рот, делала глотательное движение и, когда мать отворачивалась, метала таблетку в форточку. Она слышана, как мать говорила отцу про нее и про таблетки: «Не помогают, как мертвому припарка». И испугалась – решила, что для матери она уже умерла.

И решила сделать что-то хорошее, что-то самое лучшее, чтобы мать ее заметила и похвалила. Ольга достала из холодильника курицу и поставила на плиту сковородку, как делала мама. Налила масло, положила курицу на сковороду и ушла. Когда из кухни потянуло горелым и повалил дым, Ольга испугалась. Она схватилась за ручку сковородки, уворачиваясь от масляных брызг, обожгла руку и бросила сковороду на пол. На линолеуме остался след почему-то в форме курицы. Ольга выбросила обуглившуюся тушку в мусорное ведро, помыла пол, проветрила кухню, но след так и чернел строго посередине. Мать, вернувшись с работы, Ольгу отлупила. Больше она не пыталась угодить матери. След на линолеуме, с годами посветлевший, так и остался напоминанием о том дне.

Когда они с сестрой пошли в школу, Ольге было восемь, Наташе – семь. Наташа пошла, как все дети, Ольге же пришлось лишний год ходить в подготовительную группу детского сада. Это была идея матери – чтобы дочки учились вместе. Ольга страдала оттого что она старше всех и ее одноклассники учатся уже во втором классе, а она с мелкотней – в первом.

Обе хорошо учились – но Наташа легко, а Ольга с надрывом. Обе занимались музыкой – настоял папа. У него в роду прабабка имела абсолютный слух и музицировала.

Сестер часто сажали играть ансамбли в четыре руки. Ольге всегда доставалась вторая партия – аккорды, педаль. А Наташа, как всегда, была «примой». Ольге советовали побольше заниматься, чтобы прилично отыграть экзамен по специальности, Наташе предлагали серьезно подумать по поводу музыкального училища. Наташа отмахивалась, а Ольга доводила соседей гаммами.

Когда Ольга поступила в училище – назло сестре и преподавателям, – Наташа вместо поздравлений скривила губы:

– Ну и зачем? Чтобы всю жизнь в музыкалке просидеть?

– У меня будет профессия. А у тебя что будет? – обиделась Ольга.

– У меня будет муж, – весело ответила Наташа.

Они сидели на кухне, и Ольга в этот момент посмотрела на мать. Та кивнула, соглашаясь со словами младшей дочери.

Когда Наташа училась в выпускном классе, а Ольга – в училище, умер отец. Ольга, уже взрослая, спрашивала сестру, что она помнит из того времени. Наташа ничего не помнила. У нее было счастливое свойство памяти – забывать напрочь все плохое и помнить только хорошее. Ольга же, наоборот, хранила в подкорке головного мозга все обиды и переживания детства. Могла сказать, когда и за что мать ее избила, за какую провинность поставила в угол.

Последние годы жизни отца она помнила отчетливо.

Он начал пить. Задерживаться после работы. Ольга помнила, как мать обыскивала его портфель и вытаскивала оттуда початую бутылку водки. Как она скандалила, кричала, уходила из дома... Ольга надеялась, что навсегда. Но мать возвращалась. Ольга помнила и странные звонки по телефону, после которых мать начинала истериковать. «Истериковать» – это отцовское слово. Это значило, что мать орала на весь дом, бросалась в отца всем, что под руку попадется. Ольга понимала, что у отца есть другая женщина – она и звонила по телефону.

Ольге почему-то нравилась та женщина. Она не могла объяснить почему. Наверное, потому что та нравилась папе. А значит, она не такая, как мама. Потому что такую, как мама, отец бы не полюбил. А если она не похожа на маму, то добрая и спокойная.

Повзрослев, Ольга пыталась разобраться в своих чувствах к матери. С сестрой было проще – зависть и ненависть. А с матерью – нелюбовь, обида... Скорее равнодушие. Самое ужасное из всех вариаций – искреннее равнодушие. Как к постороннему человеку, которого ты видишь первый и последний раз в жизни. Потому что он тебе никто.

В детстве Ольга терпела материнские «показательные выступления», в зрелом возрасте – оградила себя от них и от матери.

Когда приходили гости или они шли к кому-то, мать как будто подменяли. Менялось все – мимика, поведение. Но главное – голос. Это больше всего злило Ольгу. Мать при посторонних всегда улыбалась, чего дома, без зрителей, никогда не делала. На посторонних она всегда старалась произвести впечатление милой, заботливой жены и матери. Сюсюкалась с дочками, даже с Ольгой, смахивала пылинки с пиджака мужа. Спрашивала у гостей, кто как поживает, говорила, какие замечательные, талантливые и красивые у них дети. Отвернувшись, поливала всех грязью. Жены друзей мужа, которым секунду назад мать делала комплименты, оказывались идиотками, стервами и блядьми. Дети – дебилами и уродами. Всю грязь она выливали на мужа. Он не реагировал, только подливал в рюмку водки.

– Мама, ты лицемерка, – как-то сказала Ольга.

Слово случайно услышала Наташа. На сестру Ольга злилась. Неужели та не видит, какая мать? Почему послушно улыбается, когда ее подводят знакомиться к чужим женщинам? Ольга никогда не улыбалась. «Она у нас такая бука», – ласково говорила мать, как бы извиняясь за дочь.

Так вот Наташа услышала слово «лицемерка». Они были в гостях. Детей временно посадили за взрослый стол – накормить, чтобы через пять минут отправить в детскую. Наташа тут же сообщила всему столу, что мама у нее лицемерка. Наташа думала, что это что-то хорошее. Она всегда так делала – противным детским голоском рассказывала домашние истории про то, какая мама замечательная. Все гости умилялись, мать улыбалась, отец подливал себе водки. Например, «Папа у нас умный, а мама – красивая» или «Папа не смог поменять лампочку, а мама поменяла, потому что мама не хочет, чтобы папа забивал свою умную голову всякими глупостями». За это Ольга после гостей, дома, особенно отчаянно била сестру по голове. Когда Наташа выдала про то, что мама – лицемерка, и все поперхнулись салатом, а папа – водкой, Ольга в душе торжествовала. Теперь накажут Наташу, а не ее. Но когда после гостей они дошли до остановки и отец ловил такси, мать била Ольгу с остервенением. На остановке был люк. Ольга упала на землю от ударов и ползла. Отползала не от ударов. Она боялась оказаться на люке и провалиться под землю. Ей казалось, что крышка обязательно перевернется. И мать ее не вытащит. Она однажды видела, как это произошло и как мать прошла мимо.

Они шли из магазина. В люк провалилась женщина. Мать прошла мимо, не обернувшись.

– Мама, тетя упала! – закричала Ольга.

– Пьянь. Там ей и место, – сказала мать.

* * *

Но настоящее потрясение Ольга пережила, когда увидела ту женщину – любовницу отца. Отец пошел с ними в музей. Наташа бегала по залам, Ольга медленно шла рядом с отцом. В зале, где были чучела зверей и пахло чем-то медицинским, к ним подошла женщина. Ольга даже вздрогнула. Женщина была похожа на мать. Тот же рост, тот же цвет волос, то же телосложение. Женщина поздоровалась официально: «Здравствуйте». Отец занервничал. Так уж получилось, что они стояли в зале, где за стеклом в огромных банках сидели заспиртованные человеческие зародыши. Ольга понимала, что нужно отойти. И отойти придется к этой витрине. Она стояла и не могла сдвинуться с места. Страшно остаться и слушать разговор женщины с отцом, страшно отойти и смотреть на это.

– Оль, иди посмотри, что там, потом расскажешь, – велел отец.

Ольга, волоча ноги, подошла к витрине.

В стеклянном отражении она видела, как отец пытается обнять женщину за плечи. Женщина что-то быстро говорит, дергая лямку своей сумки. Отец молчит и кивает. Женщина подошла к Ольге и сказала: «До свидания, Оля». Ольга вежливо ответила: «До свидания». Отец велел ей найти Наташу и идти к выходу – они едут домой. Ольга сразу поняла, что у той женщины что-то случилось. Они вернулись домой. То, что произошло потом, Ольга восстановила много позже. Со слов матери. Отца уже в живых не было. Из детства осталось воспоминание о большеголовых скрюченных младенцах в банках, ночных криках матери и звуках хлопающей двери. А утром – спешный ранний подъем, поездка на машине в другой район, коридор в чужой квартире.

В тот вечер любовница отца сообщила ему в музее, что беременна. Отец в тот же вечер собрал рабочий портфель и ушел – к ней, к той. Утром мать оставила Наташу на соседку, взяла Ольгу и поехала возвращать мужа. Знала, что он среагирует на Ольгу – из чувства вины и жалости к девочке. Дверь открыла пожилая женщина. Мать саданула дверь ногой, женщина вжалась в стену, мать влетела в квартиру и побежала по комнатам. Ольга вошла и села на маленькую табуретку в прихожей. Мать что-то орала из комнаты, пожилая женщина, пригнувшись, как будто на нее что-то сейчас должно упасть, пробиралась по коридору. Ольга с интересом смотрела, куда крадется женщина. Оказалось, что в крошечную кладовую, расположенную в конце коридора. Женщина повернула ручку и зашла. Ольга услышала звук задвигаемой щеколды и грохот чего-то тяжелого, придвигаемого к двери. Почему-то она была рада тому, что этой бабушке удалось добраться до кладовки и закрыться. Из комнаты вылетела мать.

– Где она? – спросила мать Ольгу.

– Ушла. – Ольга решила не выдавать местонахождение бабушки.

Мать застыла в коридоре, огляделась и дернула ручку двери кладовки. Дверь не поддавалась.

– Дверь выломаю! – кричала мать. – Где они?

Из-за двери не доносилось ни звука. Мать еще несколько раз подергала ручку и успокоилась – устала. Зашла в другую комнату и победно вынесла отцовский портфель.

– Пошли, – велела она Ольге. Ольга встала и пошла за матерью. Мать вдруг остановилась и плюнула на пол. Ольга перепугалась. Мать сделала что-то совсем непозволительное. Что-то мерзкое, обидное, грязное...

Вечером отец вернулся. Наташа обрадовалась и повисла у отца на шее. Она провела целый день у соседки – как всегда, была ограждена от неприятных эмоций. Ольга смотрела на папу исподлобья. Отец поймал ее взгляд и развел руками: мол, что я могу сделать?

Вечером Ольга решила объяснить все сестре. Они лежали в кроватях, нужно было говорить тихо, чтобы не услышала мать.

– Папа не любит маму, он любит другую женщину, – прошептала Ольга сестре.

– Ну и что? – Наташа всегда спокойно реагировала на те новости, которые Ольгу потрясли до ночных кошмаров.

Ольга часто кричала по ночам. Плакала во сне, не просыпаясь. И в этом она тоже была виновата перед матерью. Мать так и говорила: «Из-за тебя я не высыпаюсь, целый день хожу как рыба вареная. Наташа – подарок судьбы, а ты – наказание Господне». Ольга не понимала про судьбу и Господа, зато понимала про подарок и наказание.

– Как это что? Папа хотел уйти, а мама его вернула, – объяснила Ольга, злясь на равнодушие сестры.

– Ну и правильно.

– Нет, не правильно.

– А ты хочешь, чтобы у нас не было папы? Чтобы мы его не видели?

– Ты ничего не понимаешь, – сказала Ольга и заплакала – Наташа, сестра, ее не понимает. Ее никто не понимает.

Отец остался жить с ними, но Ольга чувствовала – его нет рядом. Как будто для них он уже умер, а живет где-то в другом месте. Этих мест, судя по регулярным скандалам, которые устраивала мать, было много.

Та женщина тоже не пропала, Ольга даже проследила закономерность – если отец в выходной брал в музей или в кино только ее, а Наташа оставалась дома, это означало, что они будут не одни. Ольге это нравилось и не нравилось. Нравилось, что отец выделяет ее, знает, что она ничего не расскажет матери. Не нравилось, что он будет разговаривать с женщиной. Перед тем как зайти в метро, отец должен был позвонить. Он звонил из телефона-автомата. Говорил долго. Точнее, не говорил, а только вставлял «да», «нет», «хорошо». На том конце провода шел нескончаемый монолог. Ольга успевала замерзнуть. Потом они ехали. Иногда не туда, куда собирались.

Так вот ту женщину Ольга увидела года через три. Она ее даже не узнала сначала – женщина постарела и была с ребенком. Мальчик Степа плакал и капризничал. Ольга делала ему бумажные самолетики. Мама Степы тоже все время плакала. Только Степа плакал громко, а его мама – тихо. Ольга еще удивлялась – как можно так плакать. Беззвучно. Только слезы льются.

Иногда Ольга совсем не понимала отца и эту женщину. Они шли по бульвару. Ольга следила, чтобы Степа не упал. Они шли впереди, оставив отца с женщиной сзади. Степа лопаткой ковырял талый снег, и Ольга обернулась. Отец что-то засовывал в карман пальто женщины. Женщина вытаскивала и пыталась засунуть в карман Ольгиного отца. Потом она вытащила это что-то – какую-то красную бумажку – и бросила на дорогу. Мимо проходил парень. Он поднял бумажку и бросился бежать. Отец побежал за ним. Женщина перестала плакать и засмеялась. Смеялась она так, как будто плакала. Ольга догадалась, что бумажкой были деньги.

Ольга начала догадываться, что Степа – сын ее отца. Но никак не могла получить подтверждения догадки. Вот если бы отец взял Степу на руки или поцеловал его – тогда да, точно сын. Но отец никогда так не делал. От Степы тоже толку было мало. Он мог бы назвать Ольгиного отца папой. Но Степа вообще плохо говорил. И даже маму мамой не называл. Обращался ко всем сразу – «хочу», «дай», «не буду»... Поэтому Ольга сомневалась. А у женщины спросить стеснялась. Еще она немножко боялась Степу. Вспоминала заспиртованных младенцев из музея и гадала: неужели и Степа был таким? Наверное, был. У него огромная голова, как у тех.

Отец перед встречами с этой женщиной всегда заводил Ольгу в детский отдел магазина. Пока Ольга выбирала что-нибудь себе и Наташе – так требовал отец, хотя у Ольги никакого желания выбирать игрушку сестре не было и она выбирала что-нибудь похуже, – отец стоял у витрины «для мальчиков». Мог полчаса выбирать между синей машинкой и красной. Ольга выбирала себе бабочку на веревочке, которая машет крыльями. В результате Степа реагиру-

вал на бабочку, оставаясь к машинке равнодушным. И Ольге приходилось отдавать ему свою бабочку. По справедливости она решала оставить себе то, что выбрала для Наташи. И радовалась тому, что Наташа осталась без подарка. Она, раскусив несостоятельность отца в выборе игрушек и вкусы Степы, стала выбирать «для Наташи» самое красивое – заводную куклу или набор для вышивания. Выбирала как себе. Машинки отец приносил домой – не выбрасывать же. Мать орала, что отец даже игрушку для девочки не может купить нормальную. Хотя Наташа как раз была рада новой машинке. Она устраивала гонки, пробки, аварии.

Такие же гонки, пробки и аварии уже на собственной машине она устраивала, став взрослой. Слава богу, что ни отец, ни мать не дожили до того момента, когда Наташа разбилась, влетев на полной скорости в столб. Авария была ее любимой игрой: новенькая машинка врезалась в столб – ножку стола. Переворачивалась несколько раз – Наташа даже изображала звук переворачиваемой машины: «вжиу, вжиу» – и с высоты падала на линолеум – «тыдыж». Только в детской машинке не было водителя, а в машине настоящей сидела Наташа.

Ольга сама вспомнила про машинки, в которые в детстве играла сестра, не сразу. Много, много позже. Но Пете так про это и не рассказала.

Петя был самым больным пинком от сестры, который получала Ольга. Петя учился в их школе, только двумя классами старше. И был последним в очереди желающих проводить Наташу до дому. Он всегда шел сзади – жили они в соседних домах, так что по дороге. Петя влюбился в Наташину спину – натянутую и гибкую. Шел и сверлил ее взглядом. Наташу провожал очередной поклонник. Петя смотрел, как Наташа выгибает позвоночник, уворачиваясь от наглой или робкой, в зависимости от кавалера, руки.

Однажды Пете почти удалось ее проводить – в тот день, когда он ободрал на школьном дворе куст едва зацветшей сирени и подарил букет Наташе. Но Наташа его не дождалась. Петя стоял в кабинете завуча, куда его вызвали за порчу зеленых насаждений, и в окно видел, как она уходит с его букетом и с другим.

Петины родители – биологи – эмигрировали в Америку в те годы, когда уезжали, не зная куда, но зная, что навсегда. Петю оставили в Москве на перепуганную двоюродную сестру по отцовской линии – Генриетту Моисеевну. Обещали забрать, когда устроятся. Но прошел год, два. Родители Пети сгинули. Тетя Геня обращалась к племяннику всегда одинаково: «Бедный мальчик», – неважно, о чем шла речь в дальнейшем. «Бедный мальчик, иди есть», «Бедный мальчик, ты уроки выучил?», «Бедный мальчик, вынеси мусор». Петя не задумывался над смыслом – он был слишком мал, когда уехали родители, и факт «бросания» в его памяти не остался.

Тетя Геня была старой девой. Если бы не было Пети, тетя Геня точно вышла бы замуж и родила своих детей. За ней ухаживал юноша из приличной еврейской семьи – Илья. Водил ее в музеи и в консерваторию. За свиданиями следила мама юноши – Эсфирь Львовна. Делала это тактично, чтобы Геня не заметила. Для конспирации приходила на выставку с подружкой или брала билеты на концерт в амфитеатр, если Геня с Ильей сидели в партере. Но Геня замечала. Спиной чувствовала на себе ее взгляд и взгляд подружки.

С Эсфирь Львовной Геня познакомилась случайно – в синагоге «на горке», куда приехала за мацой. Не то чтобы Геня соблюдала обряды, просто с детства любила омлет с мацой. Эсфирь Львовна тоже приехала за мацой. Обменялись приветствиями, ничего больше. Гене нравились такие старушенции. Хотя почему старушенция? Эсфирь Львовна, если посчитать, еще вполне себе дама. Геня не понимала, как можно носить такое красивое библейское имя и так выглядеть? Лицо Эсфирь Львовны как будто было крепко сбрызнуто лаком для волос «Прелесть». Высокая прическа, волосок к волоску. Сдвинутые к переносице нещипанные брови. Губы, обведенные красным карандашом выше естественной границы. Куриной попкой. И грудь, обвис-

шая, как два ослиных уха. Эсфирь Львовна, видимо, не признавала бюстгальтеров – грудь лежала на животе.

Второй раз они столкнулись на кладбище – в колумбарии, где были похоронены бабушка Гени, тоже Генриетта, и родители Эсфирь Львовны. После этого она пригласила Геню в гости. Геня понимала – познакомить с сыном, о котором Эсфирь Львовна только и говорила: красавец, большая умница... Илья Гене не понравился. Никакой. И губы, как у мамы – куриной попкой. Но Эсфирь Львовна уже все решила. Гене было двадцать четыре, Илье – двадцать восемь. Чего тут решать? Илья позвонил Гене и пригласил на выставку. Геня Илье тоже не понравилась – просто не его тип женщины, – но с мамой он не спорил. Так что они оба встречались ради Эсфирь Львовны. И поженились бы, лишь бы ее не огорчать, если бы не свалившийся Гене на голову Петя.

Петиного отца Геня помнила плохо, детскими обрывочными воспоминаниями – на даче, за детским столом на дне рождения. Петю она вообще никогда не видела. Но отказать брату, хоть и двоюродному, не смогла. Петин отец привез Гене книги и Петю – на хранение. Они тогда все распродавали, чтобы уехать.

Когда Эсфирь Львовна узнала о существовании Пети, уехавших за границу Петиных родителях – Геня позвонила и все рассказала, – Илья пропал. Геня не выясняла почему. И так все поняла. Эсфирь Львовна решила, что ее сыну не нужна такая невеста. Со сгинувшими за границу родственниками и племянником на шее. Мало ли что? А вдруг проверять начнут? А Илюша? Не дай бог...

Так Петя сломал Гене личную жизнь. Но она никогда об этом не жалела. Петя стал ее семьей. Она жарила ему омлет с мацой.

Геня за Петю очень боялась. До тошноты. Боялась, что с Петей что-то случится – он заболит, сломает ногу, упадет. А вдруг позвонит брат и спросит про сына? Что она ему скажет? Что недосмотрела? Боялась, что брат объявится и Петю придется отдавать. Боялась, что Петя подрастет и сам ее бросит – за ненужностью. Поэтому из Гени получилась аидише мамэ не хуже Эсфирь Львовны.

Петя путался и иногда называл ее мамой, но Геня его всегда поправляла – рассказывала Пете историю семьи и учила с ним, как зовут папу, бабушку, дедушку. Только она не помнила, как зовут Петину маму – жену брата. Забыла. Пришлось придумывать – Соня.

– Тетя Геня, не встречай меня из школы. Я сам, – просил Петя. Он учился уже во втором классе, и никого, кроме него, родители не встречали. Его и так дразнили.

– Тетя Геня, я еврей? – спросил первоклассник Петя.

– Да, – ответила она.

– Я не хочу быть евреем, – пробурчал Петя.

– А кем ты хочешь быть?

– Негром.

Гене Петя казался еще слишком маленьким, слишком неготовым к этой жизни. Поэтому и встречала. Придумывала на ходу – что шла мимо школы и забыла дорогу домой. А Петя ее доведет. Что устала нести тяжелые сумки – Петя поможет. Петя не верил в тети-Генины уловки, но делал вид, что верит.

Петя рано, несмотря на усилия тети Гени, повзрослел. Понял, что может рассчитывать только на себя. Понял, что в ответе за тетку.

Его родители объявились, когда Пете исполнилось шестнадцать. Не самый удачный возраст. Позвонил отец. Из Америки. Поздравил с днем рождения. Петя слушал его голос по телефону и пытался уловить, вернуть в памяти знакомые интонации – ничего, голос незнакомого мужчины. Тетя Геня, пока они разговаривали, плакала на кухне и кромсала в пальцах квадратик мацы. Отец предложил Пете приехать – у него была работа, дом, стабильность, новая жена, которую, по мистическому совпадению, звали Соня. Мать Пети осталась в Германии, где

у неё тоже был новый муж и новый ребенок. Мать, со слов отца, собиралась позвонить. Только боялась, что Петя ее не простит.

– Ты понимаешь, нам было очень тяжело. А ты был слишком маленький. – Отец пытался оправдаться.

Петя после того разговора долго плакал у себя в комнате. Отцу он ответил, что приехать не сможет – нужно заканчивать школу, поступать в институт. Петя не сказал главной причины – он не имел права оставлять тетю Геню.

Когда Петя понял, что влюбился в Наташу, он спросил у тети Гени:

– Если я еврей, я должен жениться на еврейке?

– Какие глупости, – улыбнулась тетя Геня, – женись на ком угодно, лишь бы ты был счастлив. – И добавила: – Бедный мальчик.

Петя решил жениться на Наташе и даже знал, как это сделать.

* * *

Он решил зайти с другого конца – с Ольги. Заходил за ней в музыкальное училище и провожал до дома. И в доме он стал своим на правах Ольгиного ухажера. Осторожно спрашивал у Ольги про сестру. Ольга рассказывала ему, что Наташке такие, как он, не нравятся. Ей подавай что-нибудь поярче. Чтобы был красавцем, душой компании. А ей, наоборот, нравятся такие, как Петя, – с внутренней энергетикой. Ольга видела, как Петя смотрит на Наташку. Но надеялась, что он рано или поздно выберет ту сестру, которая ему больше подходит. Ее, Ольгу. Ольга была в него влюблена.

Петя после окончания школы выпал из жизни сестер и появился через пять лет. Тихой сапой, медленно, но верно за эти годы он окончил институт и удачно распределился. В НИИ. От сгоревшей от рака тети Гени ему досталась квартира.

Тетя Геня начала сдавать после того звонка своего двоюродного брата. Сдавала на Петиних глазах. Но никогда не жаловалась и, как часы, вставала жарить Пете по утрам омлет с мацой и гладить ему рубашки. Только нога болела.

Уже в больнице, когда от тети Гени под простыней почти ничего не осталось, он узнал, что ей давно сделали операцию. По женской части. Вырезали матку, пораженную опухолью. Петя учился в пятом классе.

Тетя Геня научила его жарить омлет с мацой, варить сосиски, показала, где лежат деньги, и велела подналечь на английский. Английским с Петей занималась подруга детства тети Гени – Элла Эдуардовна.

– Мне нужно уехать. Ты уже взрослый. Я на тебя рассчитываю, – сказала тетя Геня и уехала.

Петя тогда обиделся на тетку. Элла Эдуардовна, до этого приезжавшая два раза в неделю – тетя Геня готовила Петю к будущей заграничной жизни с родителями, – стала приезжать каждый день. И если раньше все ограничивалось грамматикой, в которой Петя был силен, то, пока не было тети Гени, Элла Эдуардовна мучила Петю практикой. Ему было сложно излагать свои мысли даже на русском – он предпочитал письменные работы, а тут пришлось говорить. Элла Эдуардовна, заходя в квартиру, переходила на английский. Она варила суп, мыла полы, гладила рубашки, а Петя должен был на английском рассказывать, как прошел день в школе, что он прочел, что купил в магазине...

Он писал письма тете Гене, в которых жаловался на Эллу Эдуардовну. Элла Эдуардовна однажды увидела письмо – Петя забыл листочек на столе. Он испугался. Думал, что Элла Эдуардовна начнет его ругать. Но она сказала:

– Слова в предложения складывать ты умеешь. А теперь переведи это на английский. И я отвезу письмо тете Гене.

– А вы знаете, где она? – спросил Петя.

– В больнице.

– А про вас тоже переводить? – уточнил на всякий случай Петя. Ему было стыдно за то, что он склонял Элли Эдуардовну в письме: «Элла Дурдомовна, Элла Придуровна».

– Да, и про меня тоже.

Петя начал переводить письмо. Элла Эдуардовна прочла, даже ошибки не исправила, а на следующий день привезла ответ от тети Гени. После этого Петя Элли Эдуардовну полюбил. Помимо писем тете Гене, Элла Эдуардовна давала ему переводить детские стихи, песни.

Знанием английского «не по программе» Петя завоевал авторитет у одноклассников, которые его больше не дразнили, но и не дружили – боялись. Потому что он был странный – самодостаточный. Однажды класс решил довести историка. Историка звали Таракан – за усы. Долго думали, что бы ему такого сделать. Тараканов в класс уже приносили и давили их прямо на карте мира. Старались давить аккуратно, чтобы они растекались по красному пунктиру, обозначавшему границу СССР. Живого таракана в классный журнал подкладывали, правда, неудачно. Таракан умудрился выползти до того, как историк открыл журнал. Главный спец по срывам уроков Витька подошел к Пете – главному в классе спецу по английскому – и спросил, как будет Таракан по-английски. Петя сказал: «Cockroach». «Как?» – спросил Витек. Петя написал на доске. Историк, живший с Элли Эдуардовной в одном подъезде, сразу понял, кто это написал. Стер надпись, приговаривая, как тетя Геня: «Бедный мальчик».

Из больницы тетя Геня ушла под расписку – отпускать ее не хотели. Но она сказала врачу: «Поймите, мне нельзя болеть, я и так у вас долго лежу, а у меня племянник маленький. Вот поставлю его на ноги и вернусь к вам на сколько скажете – обещаю. А сейчас не могу». Врач пожал плечами и дала Гене подписать бумагу. Эта странная молодая женщина, которую лишили возможности иметь детей и дали ей в лучшем случае год жизни, даже ни разу не заплакала. Все плакали, а она нет.

Тетя Геня сказала про год жизни только подруге – Элле Эдуардовне: «Вот увидишь, как всегда, ошибутся. Год. А что потом с Петей будет?»

Врачи ошиблись. Тетя Геня жила, пока не почувствовала, что Петя сможет о себе позаботиться. Жила, пока не позвонил его отец. Она знала, что Петя сможет уехать в Америку. За его английский Геня была спокойна – Элла Эдуардовна знала свое дело.

В больницу тетя Геня пришла сама. К той самой врачнице, от которой уходила под расписку. «Здравствуйте, я пришла, как обещала», – сказала ей Геня. Врач уронила ручку. У Гени не было ни одного здорового органа – весь организм в метастазах. Четвертая стадия. Геня запретила Пете приходить к ней. Не хотела, чтобы мальчик видел ее в халате. Дома она себе такого никогда не позволяла. Она вообще не хотела, чтобы Петя видел ее такой – больной и слабой. Но Петя, несмотря на запрет, приезжал, привозил фрукты, давал медсестрам деньги, чтобы к тете Гене лишний раз подошли.

– Не волнуйся, ты долго со мной не будешь мучиться, – говорила тетя Геня. – Сейчас не могу умереть, Эллочку надо дождаться. Вот она вернется с дачи. Не хочу портить ей отдых.

Так и получилось. Элла Эдуардовна вернулась с дачи, приехала к подруге днем, а вечером Геня умерла.

Когда Петя разбирал вещи, то в книгах нашел конверт. Подписанный: «Петечке на жизнь». В конверте были деньги. Много. Эти деньги присылал Петин отец, а Геня их собирала.

Он появился у Наташи с Ольгой без звонка. Ольга была в своей музыкалке, в которую пошла работать после училища, мать – в очередных гостях, а Наташа красила ногти. От неужи-

данности она даже пузырек с лаком опрокинула. Пока бегала за тряпкой и терла пятно, Петя описывал свои «стартовые» возможности и перспективы на будущее.

Когда вернулись Ольга и мать, Наташа уже успела сказать Пете «да».

– Почему ты так быстро согласилась? – спросила у сестры Ольга. Она злилась и от злости кусала и без того коротко обстриженный ноготь большого пальца.

– А что тут думать? Петя – идеальный вариант. И потом, так скучно, хочется праздника, – беззаботно ответила Наташа. – Слушай, мне платье купить или в ателье заказать?

– Не знаю, как хочешь, – ответила Ольга, – но ты же его совсем не любишь.

– Зато он меня любит. А я позволю ему себя любить.

За что Петя любил Наташу, он не знал. И была ли это любовь, тоже не знал. Но он всегда ставил перед собой цели и добивался. Чем сложнее была цель, тем Пете было интереснее. Наташа была такой целью. Правда, когда она сразу же согласилась выйти за него замуж, Петя даже расстроился. Не ожидал, что нужно так мало – квартира, деньги, перспективы. Он знал, что в него влюблена Ольга. Но с Ольгой было неинтересно и брезгливо. Петя хорошо помнил, как Ольга отмечала день рождения и пригласила его. Остальные гости были гостями Наташи. Ольга усадила его рядом с собой, чтобы ни у кого не было сомнений в их отношениях. Петя не возражал – Наташа оказалась напротив, и он мог ее разглядывать. Через стол. Когда веселье было в разгаре, Ольга полезла к нему целоваться. Петя не смог отказать имениннице. Ольга закрыла глаза и шумно стонала. Петя, целуя Ольгу, глаза не закрыл и видел, как в комнату вошла Наташа и улыбнулась ему. Пете было неприятно целовать Ольгу. На уровне физических ощущений.

Ольга была предсказуема. Наташа – нет. К тому же Наташа была красива. В Ольгу же, несмотря на внушительные габариты, приходилось вглядываться, чтобы разглядеть, а в миниатюрную Наташу – нет. Наташа бросалась в глаза сразу – грудью, ногами...

Наташа была такая тонкая и наивная, что ее хотелось защитить, уберечь... Хотя Петя понимал, что Наташа не такая тонкая и не такая наивная. Но Петя видел Наташкину спину и плыл глазами. Он еще тогда, в день, когда пришел к ним спустя пять лет, подумал, пусть Наташа делает что хочет, запрещать все равно бессмысленно, только пусть будет рядом. Пусть только позволит дотронуться до спины.

* * *

Ольга была свидетельницей на свадьбе сестры. Новое платье портила красная лента через плечо – на свадебных атрибутах настояла Наташа. На фотографиях с бракосочетания Ольга получилась с недовольным лицом. Она так и не смогла себя заставить улыбнуться. Ненависть к сестре и обида на Петю засели внутри, в желудке, и отдавали болью в голову. Ольга наглоталась но-шпы и валерьянки. Петя с тещей делали вид, что все отлично.

Сама новобрачная с утра напилась шампанского, долго блевала в туалете ЗАГСа и громко икала, пока женщина-регистраторша произносила торжественную речь. В зал регистрации Наташа тоже вошла не сразу. Уже на пороге развернулась и заявила, что не желает слушать марш Мендельсона. Не хочет, как у всех. Хочет что-то особенное.

– Прекрати, пожалуйста, ну какая тебе разница? – пыталась образумить сестру Ольга.

– Что ты хочешь? – спросил Петя невесту.

– «Сулико», – ответила Наташа и пьяно засмеялась.

– Хорошо, – ответил Петя.

«Сулико» сыграли – Петя договорился и заплатил. Наташа шла по выцветшей ковровой дорожке пританцовывая.

Ольга еле держалась на ногах от лекарств и боли. Она не понимала, как сестра может себя так вести в такой день, и понимала, что день только начался. Ольга стояла с букетом роз,

но чувствовала не запах цветов, а запах блевотины. Ей пришлось держать платье Наташи в туалете ЗАГСа, чтобы та его не заляпала. Но Наташа все-таки умудрилась испачкать наряд, и Ольга отмывала расшитое бисером декольте сестры куском хозяйственного мыла.

Опасения Ольги подтвердились. На ступеньках ЗАГСа Наташа выхлебала еще шампанского и еле доехала до Красной площади, где они должны были возложить цветы к могиле Неизвестного солдата. Наташа захотела в туалет и искала глазами кустик. Кустик не находился, и Наташа жаловалась Ольге, что больше не может и сейчас описается прямо здесь. Ольга еле дотащила сестру до туалета ГУМа, умирая от стыда под взглядами прохожих.

Ольга смотрела на Петю. Тот, казалось, вообще не заметил, что невеста пьяна и ведет себя неприлично.

– Ты чего такая раздраженная? Расслабься, – сказал Петя Ольге.

Ольга решила, что Петя прав. Если ему все равно, что будет дальше вытворять Наташа, то ей тем более. Хотя так и не нашла ответ на вопрос: «Почему Наташа, а не я?» Ведь все было хорошо – они даже целовались...

В ресторан Ольга поехала в другой машине. Вместе со свидетелем со стороны жениха – Иваном. Иван жил в Твери и приходился Пете другом.

Ольга удивилась – у Пети еще со школы друзей не было. Тем более таких, как Иван. Простоватый, хамоватый, нагловатый... И где они могли подружиться?

Иван был однокурсником Пети. Недолго. Они сошлись случайно – вместе сдавали вступительные экзамены, потом попали в одну академическую группу. Поддерживали не очень частую, но все же связь и после того, как Иван вылетел после первого курса, явившись на экзамен в пьяном виде и нахамив преподавателю.

В ресторане Ольга тоже оказалась рядом с Иваном. Она его рассматривала. Иван как раз был во вкусе Наташи. Как и положено свидетелю, он без конца шутил, говорил тосты, правда слегка похабные, предлагал конкурсы – сомнительного качества, с точки зрения Ольги. Что за глупость – пить шампанское из туфли невесты? Или заставлять жениха с завязанными глазами лапать ноги у всех женщин и определять, какая из них нога невесты? Не в деревне же. Хотя она готова была признать – Иван некрасив, но обаяния ему не занимать.

– Странно, что Петька выбрал Наташу. Я бы обратил внимание на старшую сестру, – сказал Иван Ольге в машине.

Ольга хоть и собиралась держать обиженное лицо до конца, не выдержала. Иван ей вдруг показался очень милым. А когда он снял с нее красную ленту: «Не стоит закрывать такую красивую грудь», – Ольга хоть и была шокирована наглостью, но внутри растаяла.

Ночевать молодые поехали в квартиру Пети. А Ивана было решено отправить к Ольге. Всего на одну ночь. А куда еще? Не в гостиницу же.

Ольга в ресторане напилась не хуже Наташи. Но опьянение было другим. Наташа веселилась и танцевала, задирая пышную юбку так, что мелькало нижнее белье. А Ольга злилась. Чем больше пила, тем больше становилась злой и раздражительной. Виноват был Иван, который подливал шампанское.

Дома с Иваном у Ольги случился короткий пьяный секс без воспоминаний. Ольга только помнила, что начала стелить Ивану постель на полу. Утром она проснулась накрашенная, в помятом платье, которое болталось на талии, как сдувшийся спасательный круг. Голова болела не то слово как. Очнулась только после то, как приняла душ. Вспомнила резко и тут же занервничала. Лишь бы мать ни о чем не догадалась. Ольга вспомнила, что мать ушла спать, когда они еще на кухне сидели и разговаривали. Ольга вышла из ванной. Мать пила на кухне кофе.

– А где Иван? – спросила Ольга осторожно.

– Уехал час назад. На электричку опаздывал, – спокойно ответила мать.

«Слава богу», – подумала Ольга. Хотя ей было обидно, что Иван даже записки не оставил. Но она решила, что он еще позвонит. Все-таки у них что-то было.

Иван, конечно же, не позвонил. Ольга продолжала ждать. Звонить первой не хотела. Ждала звонка и дождалась, что врач в женской консультации ей сказала: «Поздно спохватилась. Теперь рожать будешь».

Ольга позвонила Наташе.

– Попроси у Пети телефон Ивана, – попросила Ольга и разрыдалась.

Сестра обещала перезвонить. Ольга целый день просидела рядом с телефоном. Наташа позвонила поздно вечером.

– Телефона там нет, запиши адрес, – сказала Наташа.

– Мне что, туда ехать надо? – удивилась Ольга.

– Если хочешь, поезжай, – ответила Наташа, – только зря прокатаешься.

– А Петя со мной не сможет съездить? Все-таки он друг Ивана.

– Он сказал, чтобы вы сами разбирались.

Ольга взяла отгул в музыкальной школе и поехала в Тверь.

Взяла билет на электричку. Села в поезд. Названия станций не объявляли. Ольга смотрела на платформы во время остановок. Где-то через полчаса она спросила у женщины, сидящей напротив:

– А до Твери еще долго?

– Так ты не на тот поезд села, – всплеснула руками женщина, – этот в Тулу идет. Перепутала, наверное. Выходи сейчас, а то потом перегон длинный.

Ольга вскочила и побежала в тамбур. Там, качаясь, стоял мужик и курил. «Пьяный, наверное», – подумала Ольга. Ее замутило от запаха дешевой сигареты и чужого немытого тела.

– Простите, – сказала Ольга.

Мужик не поворачивался.

– Простите, пожалуйста, вы не могли бы не курить. – Ольга брезгливо дотронулась до руки пьяного.

Тот развернулся и резко саданул Ольгу по лицу.

– Чё лезешь? – заорал мужик. – Борзая очень? Щас успокою.

Ольга закрылась руками, вжалась в грязный угол тамбура и ждала, когда остановится поезд. Как только открылись двери, она вывалилась на платформу. Мужик стоял, держась за поручень, и хохотал.

Ольга села на лавочку. Лицо болело. Она даже не плакала. Просто не могла понять, почему так происходит. Почему она не может даже сесть на нужный поезд? И почему именно она попала под руку пьяному? Почему ей никогда не встречались те добрые люди, которые помогут, подскажут, доведут?.. Все они, как и все хорошее в жизни, выпадали на долю Наташи. Ту всегда довозили бесплатно, если она ловила машину, помогали донести сумку, если она шла из магазина.

Ольга вспомнила, как маленькая Наташа потерялась в большом универсальном магазине. Ольга тогда очень испугалась – мать велела ей смотреть за сестрой. Наташа нашлась возле кассы. Стояла, улыбалась, в каждой руке по конфете, которыми ее угостили продавщицы. Мать кинулась к младшей дочери, прижала ее, обцеловала всю, долго благодарила продавщиц. Ольгу тогда мать наказала. Купила Наташе шоколадку, а Ольге не купила. А когда в вестибюле метро потерялась Ольга – засмотрелась на разменные автоматы, выплевывавшие монетки, – мать отлупила ее при всех. Прямо там, в вестибюле.

Даже Петя и тот достался Наташе. А Ольге что – Иван.

Ольга вернулась домой поздно вечером. До Твери она так и не доехала. Долго ждала электричку, хоть какую-нибудь.

– Где тебя носит? – спросила сердитая мать, когда уставшая, голодная Ольга буквально ввалилась в квартиру. – За картошкой некому сходить. Что у тебя с лицом? Ты себя в зеркале видела?

Ольга пошла за картошкой. Спорить с матерью не было сил. Она шла из овощного, несла пакет, и вдруг ее повело. Ольга опустилась на бордюр. Из пакета на дорогу посыпалась картошка. Она сидела и смотрела, как катятся неровные, с черными глазками клубни.

– Кто убирать-то будет? Машина поедет, все раздавит, а здесь люди ходят, – услышала Ольга. Мимо шла женщина. Женщина посмотрела на Ольгу зло и прошла мимо.

Ольга пришла домой.

– А где картошка? – спросила мать.

– Рассыпала, – ответила Ольга и ушла в комнату.

– Что, всю? – крикнула вдогонку мать.

Ольга не ответила. Она легла на кровать и уснула. Засыпая, успела подумать, что очень хочет есть.

Иван приехал к Ольге сам. Видимо, ему Петя рассказал про Ольгу. Или Наташа.

Он позвонил из автомата около метро.

– Приходи. Около первого вагона. Поговорим, – сказал Иван.

– А почему ты к нам не хочешь прийти? – спросила Ольга.

– Незачем, – ответил Иван и положил трубку.

Они сидели на лавочке. Ольге было неудобно. Хотелось облокотиться – спина болела. Иван ей казался меньше ростом, чем тогда, на свадьбе. И лицо казалось не милым, а каким-то простоватым.

Иван что-то долго и путано говорил Ольге. Она его практически не слышала. Только обрывками между приходом и отходом поездов. Но главное она уловила – он не может на ней жениться, не может с ней жить, потому что у него ничего нет – ни жилья, ни денег, ни желания.

– А как же ребенок? – спросила Ольга.

Иван пожал плечами. Мол, сама решай. Он встал – подходила очередная электричка. Ольга так и сидела на лавочке. Вдруг Иван повернулся, подошел и проорал под грохот подходящего поезда:

– Если родится девочка, назови Виолеттой!

– Как? – обалдела от неожиданности Ольга.

– Виолетта. Как сырок плавленый «Виола», знаешь?

Иван заскочил в поезд и встал спиной к платформе. Ольга опять, как тогда на станции, долго сидела на лавочке. Вспоминала, как выглядит плавленый сырок. Встала и пошла в магазин. Купила коробочку с улыбчивой блондинкой на картинке. Принесла домой и выложила на стол.

– Лучше бы хлеба купила, – сказала мать, зашедшая на кухню. Коробка с плавленым сыром еще долго лежала в холодильнике на верхней полке. Ее никто не открывал. Но у Ольги рука не поднималась выбросить. Выбросила мать, когда мыла холодильник. Ольга еще долго верила, что Иван вернется. Даже когда родилась девочка – верила.

И когда шла регистрировать дочь – верила. Поэтому и записала ее как Виолетту Ивановну.

Женщина, которая записывала данные, застыла и посмотрела на Ольгу.

– Как? – спросила она.

– Как сырок плавленый «Виола», знаете? – объяснила Ольга. И тут же поняла, как дико звучит объяснение. Женщина хмыкнула, но записала. Сделала две ошибки – Виалета.

– Пишется Виолетта, через «о» и с двумя «т», – сказала Ольга.

Тетка ругалась, куда-то бегала, выясняла, исправляла по-школьному – красиво зачеркнув и сверху вписав правильную букву. Внизу приписала: «Исправленному верить».

– А отчество как? – спросила она.

– Ивановна, – ответила Ольга.

Женщина хмыкнула. Ольга тогда подумала, что вся жизнь дочери будет такой – с ухмылками, исправлениями, приписками.

Ольга несколько раз хотела пойти поменять имя. Ей нравились простые русские имена – Екатерина, Мария... «Виолетта» резала музыкальный слух. Ладно бы дочка была с претензией во внешности – яркая, фактурная. Но она не обольщалась на ее счет. Девочка как девочка. Виолетта быстро сократилась до Веты, потому как «Виола» тоже резала слух. Вета незаметно превратилась в Ветку.

Маленькая Вета тоже страдала от своего имени. В детском садике ее дразнили Ветка-пипетка. А ей хотелось, чтобы Ветка-конфетка. В отместку Вета научилась придумывать прозвища. Самую красивую девочку в группе – Машку – обзывала «какашкой». Тихую Ленку, которая могла часами рисовать принцесс с грустными лицами, «пенкой», Дениску – мальчику, который бессознательно теребил причинное место, – «пипиской». Однажды, когда мать ее отругала, Вета крикнула: «Олька-полька!» – и заплакала оттого, что ничего обиднее придумать не получилось.

Вета знала, что у нее нет папы, но есть тетя Наташа, дядя Петя и бабушка. Знала, что мама на них обижена. Хотя тетя Наташа Вете очень нравилась – такая красивая, веселая. Всегда с подарками приезжает. Дядю Петю Вета боялась. Не всегда. А после того, как он показал ей фокус – взял и оторвал большой палец на руке, а потом приставил на место. Несколько раз отрывал и приставлял. Вета орала от ужаса, закрыв лицо ладошками. А дядя Петя продолжал отрывать и приставлять палец, уговаривая Вету посмотреть, как это делается.

Бабушку Вета тоже побаивалась. Но по-другому, не так, как дядю Петю. Потому что бабушка у нее была «с придурью и закидонами». Так мама говорила. Бабушку Вета видела редко. Но все значимые события в ее жизни, так получалось, были связаны с маминной мамой.

Например, первое слово, точнее, фраза. Вета долго, особенно для девочки, не говорила. Или молчала, или кричала. Они тогда еще жили в одной квартире с бабушкой. Деваться было некуда, и бабушке поневоле приходилось за внучкой присматривать. Когда Вете было годика два, она встретила маму с работы четко выговоренной фразой: «Ну и вот, блядь, моя мамаша». Это была первая фраза девочки. В результате скандала выяснилось, что бабушка, которая опаздывала в гости, а Ольга задерживалась на работе, смотрела на часы, приговаривая: «Ну и где, блядь, твоя мамаша?»

– Бабушка, привет, – сказала ей Вета при первой сознательной, оставшейся в памяти встрече. Так ее научила здороваться мама. Они поехали на дачу, потому что бабушка там могла дышать, а в московской квартире задыхалась. Бабушка сидела на лавочке перед домом, на столе лежал детектив. Бабушка курила и пила коньяк.

– У меня есть имя-отчество, – сказала она Вете, – Дора Андреевна. Запомнила?

– Дора... – повторила Вета. – Такого имени нет. Есть Света, Наташа, Оля, Лена...

– Помолчала бы уж. С твоим-то именем. Только твоя мать могла до такого додуматься, – огрызнулась бабушка.

– Мама, прекрати, не начинай, – вмешалась Ольга в первый разговор бабушки с внучкой.

– А я могу все сразу же и закончить, – сказала Ольге мать.

– А почему такое имя – Дора? – подумав, спросила Вета.

– Потому что Дора – это Айседора. А Айседорой звали знаменитую балерину, – ответила бабушка.

– А что с ней случилось?

– Удавилась на собственном шарфе.

Вета застыла с открытым ртом. С ней еще никто так не разговаривал. Тем более не рассказывал такие истории.

– А меня называли тоже в честь знаменитой женщины – Виола. Очень красивая, поэтому ее портреты рисуют, и все ее знают, – сказала она наконец.

– Да, куриными мозгами ты пошла в мать, – протянула бабушка.

– А какие у курицы мозги?

– А никакие, в два плевка. Хотя вкусные. Ты ела мозги? Нет? Очень вкусно. А еще интересно, как курица бежит по двору с отрубленной головой. Представляешь, головы нет, из шеи хлещет кровь, а курица еще бежит, как живая.

– Мама, пожалуйста... – Вета, впадшая в ступор от бабушкиных историй, повернулась и увидела, что мама плачет.

– А что? Мы просто разговариваем, – картинно удивилась бабушка. – Ну что, вы уже уезжаете и даже чаю не попьете? – Бабушка засмеялась.

– Вообще-то я хотела ее тебе на пару дней оставить, – сказала Ольга.

– Зачем? – закуривая очередную сигарету, спросила бабушка.

– Затем, что она твоя внучка, а мне нужно уехать. – Вета заметила, что мама перестала плакать и вот-вот закричит. Вета знала такой ее голос. Со своими учениками она часто говорила таким голосом – на надрыве.

– Ну ладно. Еды привезла? Нет, конечно. Как всегда, с пустыми руками. А подумать, чем мне ее кормить, ты, конечно, не можешь.

– Я оставлю тебе денег, – сказала Ольга. – Сколько тебе нужно?

– Столько, сколько мне нужно, у тебя все равно нет.

Ольга положила на стол бумажку.

– Курам на смех, – прокомментировала бабушка.

– Тем, у которых нет мозгов и которые бегают без головы? – уточнила Вета.

– Вот именно, – согласилась бабушка.

Ольга уехала. Вета осталась с бабушкой. Вета забыла, как зовут бабушку по имени-отчеству, а бабушкой назвать боялась. Поэтому никак не называла.

– Я пойду полежу, может быть, засну, а ты поиграй тихо, – сказала Вете бабушка.

– Хорошо, – ответила Вета.

Она играла в дочки-матери. Кукла-мама гладила пластмассовой негнушейся рукой куклу-дочку по голове. Получалось неловко, зато искренне. Кукла-мама еще целовала куклу-дочку, хвалила ее и укрывала одеялом, укладывая спать. Домиком служила коробка из-под обуви. А вот ванночки не было. Вета решила искупать кукол перед сном. Для этого нужна была емкость. Вета прошла на кухню, подставила себе табуретку и залезла на стол. Над столом висел шкаф с кастрюлями. Она стояла и выбирала, какая больше подойдет для ванночки. Решила, что самая нижняя – потому что белого цвета, как ванна. Вета потянулась и попыталась вытащить кастрюлю, одной рукой держа те, что стояли сверху. Когда кастрюля была уже в руках, Вета свалилась со стола. Сверху на нее рухнула посуда. Вета со страху отползла под стол. На кухню ворвалась бабушка. Наступила на откатившуюся к двери крышку, не удержалась на ногах и упала. Оказавшись на полу, бабушка увидела спрятавшуюся Вету. Вета думала, что та сейчас начнет кричать, как мама, но бабушка молча схватила ее за ногу и стала тянуть к себе. Бабушка оказалась сильной. Вцепилась пальцами в ногу так, что Вета даже дернуть ею не могла. Она дрыгала захваченной ногой, цеплялась за ножки стола. Стол с грохотом двигался вместе с Ветой. Вета вспомнила, что у нее есть еще одна нога, и попыталась лягнуть бабушку. Но бабка захватила и вторую ногу и выволокла Вету из-под стола. Вете стало совсем плохо. Не потому, что она боялась наказания или криков. Бабушка вела себя неправильно. Она молчала, не ругалась. Так что то, что сделала Вета, было от страха перед неизвестностью. Она согнулась и вцепилась зубами в руку бабушки. Бабушка вскрикнула и выпустила ноги внучки. Но Вета продолжала держать зубами бабкину руку, как бульдог, которому нужно двумя руками разжи-

мать челюсти, чтобы вытащить палку, с которой он играет. Бабка потянула внучку за волосы. Вета сдалась и руку отпустила.

Бабушка посмотрела на руку, на которой уже проступил кровоподтек в форме круга, и ушла. Так ничего и не сказала. Вета, ползая по полу, собирала кастрюли, крышки. Ставила все на место – на полку. Бабушка вышла из комнаты с заклеенной пластырем рукой, в которой держала утюг. Другой рукой она держала шнур от утюга, как плетку.

– Убью, гадюка, – тихо сказала бабушка.

Вета выскочила из дома и побежала на улицу. Она не знала, гонится ли за ней бабушка. От слез она даже не видела, куда бежит, в какую сторону. Вдруг она врезалась в женщину.

– Вета, о господи, что случилось? – Женщиной оказалась мама.

– Mamочка, прости меня. – Вета начала заикаться от бега, страха, слез и сознания того, что сделала.

– Что случилось? Что ты сделала? – Ольга действительно испугалась. Дочь стояла и дрожала всем телом.

Ольга уже села в электричку, но проехала только две остановки. Решила вернуться. Купить на станции продукты и принести матери. Чтобы отвязаться, не слышать упреков. Она шла с пакетами назад, к дому, когда увидела, как по дороге несется девочка. Ольга не сразу признала в девочке дочь.

– Я бабушку укусила, – заикаясь сказала Вета.

– Ладно, пойдем, – сказала мать,

– Я туда не пойду.

– Там твои вещи. Пойдем.

– Нет, я тебя здесь подожду. – Вета села на обочине и стала рвать травинки – так дети определяют, «петушок» или «курочка». У нее тряслись руки. Травинки срывались. Она продолжала заикаться, когда говорила, что здесь подождет.

Вета не знала, о чем мама тогда говорила с бабушкой. Только после того случая мама два дня плакала, а Вету еще долго водили по врачам и лечили от заикания.

– Мама, на меня бабушка обиделась? – спросила она в тот же вечер, когда они добрались до дома и мама долго звонила кому-то по телефону, объясняя, что не с кем оставить ребенка.

– Обиделась, – ответила мать.

– Потому что я плохая?

– Нет, потому что бабушка детей не любит. Не только тебя, всех.

– А кого она любит?

– Себя.

Тогда мама рассказала Вете историю, как бабушка впервые увидела внучку.

Ольга приехала с дочкой из роддома.

Она положила Вету в кроватку, которую подарили Наташа с Петей. Точнее, не подарили, а привезли от знакомых, у которых уже вырос сын. Ольга обиделась на то, что кроватка была «поношенная», а не новая. Но лучше такая, чем вообще никакой. Наташа с Петей отдали кроватку и уехали. Ольга уложила дочку и сказала:

– Мама, иди посмотри на нее.

Мать стояла в дверном проеме.

– Спасибо, мне отсюда хорошо видно, – ответила мать.

Ольга села рядом с кроваткой и заплакала. Она долго держалась – пока ехала в роддом, пока лежала после родов. Думала, вернется домой, и все уладится, а тут поняла, что ничего не уладится.

В роддом Ольга доехала сама, на автобусе. Воды отошли дома. Она лежала на кровати и почувствовала, что кровать стала мокрой. Ольга успела перестелить белье – чтобы мать, уехавшая «по своим делам», не ругалась – и замочить в тазу испачканное. Потом села в автобус и

поехала в роддом. Позвонила Наташе с Петей, но никто не ответил. Был вечер – автобус переполнен. Ольга держалась за огромный живот и хотела только одного – сесть. Но пробраться к сиденьям было невозможно. Да и свободных не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.